

Оно высасывает глаза, завлекает, не отпускает и тупит умы. Оно – симуляция чувств, имитация мыслей и желаний. От нас требуется немного: пучиться в мельтешащие картинки, по команде невидимого режиссёра вовремя удивляться, умиляться, возмущаться, плакать, смеяться, покупать, голосовать и подчиняться. Нам подскажут, где и какую эмоцию проявить, какой товар и какого политика захотеть, – вовремя щёлкнет и вспыхнет табло. Мы уже не можем представить свою жизнь без ежедневных депутатов, рекламных роликов и этих (далее по списку): наглых силиконовых див, озабоченного премьер-министра, крашенных певцов весёлой ориентации, обрюзгших юмористов, терактов, киношных бандитов, грязного белья только что умерших артистов. Список неполный, но по сути исчерпывающий. Жизнь мерцающего зазеркалья подавляет и подменяет иную, не виртуальную, распоряжается ею. Это безумное шоу за гранью добра и зла. Это – телевидение.

Я отдал ему двадцать семь лет. Оно предало меня, а я проклял его. Я дал зарок: ни слова о нём. Но оно мне снится.

Когда-то мне казалось, что мало кто так понимает его и чувствует, как я. До сих пор, даже отвернувшись от работающего телевизора, зримо воспринимаю, что там происходит. Непрофессионализм и наглую фальшь чувствую кожей, физически, болезненно. Не читайте советских газет, – рекомендовал персонаж «Собачьего сердца» Филипп Филиппович Преображенский. Рефлексивному человеку перед приёмом пищи было крайне вредно читать те газеты, портился аппетит. Нынешнее телевидение бесстыжестью превзошло советские газеты. Люди добрые, не смотрите телевизор! – говорю вам я, персонаж и персона (в недавнем прошлом) отечественного телевидения. Вам грозит уже не изжога и несварение желудка, а более страшная болезнь – неизлечимый идиотизм.

Не циник, даже не прагматик, а должно быть – последний романтик, – до сих пор наивно полагаю, что телевидение – собеседник. Это гость, который без стука и спросу входит в дом и становится в нём желанным. Конечно, такое возможно только в идеале. Но телевизионному человеку надо к нему стремиться. Расположи аудиторию к себе, потому будь сам предельно открытым. А где невозможно, прояви сдержанную ироничность. Лучше промолчать, чем лукавить и лгать. Корректная недоговорённость часто сильнее многих слов и нервных эмоций.

Могу надавать немало советов. Но кому?

Моя первая телевизионная должность – редактор молодёжных программ. На самом деле редактировать я мог только себя, потому как являлся и автором сценария, и ведущим собственной телепередачи. Первое задание: сорок пять минут эфирного времени для рассказа о молодёжи целинного приамурского совхоза; на подготовку – целая неделя.

Рейсовым автобусом съездил на два дня в неблизкое село «за материалом». Официально столько же времени потратил на неторопливое написание сценария, на самом деле – час работы с перекурами. Всё шло по плану: в графике следующего дня был назначен выезд киногоруппы.

Наивный, не знал: на телевидении гладко ничего не происходит. В день выезда оказалось, что у редакции кончился лимит киносъёмки. Тогда не было переносных профессиональных телекамер, внестудийные съёмки делались на киноплёнке, которая делилась на неозвученную – «немую» – и «синхрон». Последнее означало съёмки с одновременной записью звука на громоздкий магнитофон, – при монтаже киноплёнка и такая же перфорированная магнитная лента синхронизировались, подгонялись под артикуляцию говорящих в кадре. После эмоциональных трёхчасовых разборок у редакции художественных передач отобрали и мне, дебютанту, торжественно, с назиданиями и слезами на глазах, передали разрешение на две минуты «синхрона» и две – «немой».

Легче всего научиться плавать, когда в раннем детстве бросят в воду, скажут «плыви» и отвернутся. Обязательно научишься. Ограничения в технических средствах воспринял как должные, с драгоценной плёнкой распорядился экономно. Снял в полторы минуты киносюжет о девушке-трактористке, двухминутное интервью с юношей-доярком (нетрадиционный контраст профессий) плюс две панорамы села: со стороны трассы и с ржавой водонапорной башни, куда залез вместе с кинооператором и, вцепившись в железную скобу, страховал того за брючный ремень. Для заполнения остального эфирного пространства передачи предполагались мои монологи и диалоги с собеседниками. В студию я пригласил медсестру сельского медпункта – бывшую красавицу-трактористку и целинницу Валентину Ивановну, а от молодёжи, принимающей эстафету поколения первоцелинников, – совхозного диспетчера, по совместительству – секретаря комитета комсомола, хромого инвалида Валеру. Заранее договорился лично, а потом ещё и созвонился с парторгом совхоза, объяснил, что люди должны приехать в студию в пятницу к десяти часам утра на репетицию и запись передачи.

Утром в день эфира выяснилось, что записывать программу не будут, так как редакция съела все лимиты по использованию услуг цеха видеозаписи. Этот цех был призван ежеквартально бдительно беречь от излишней загрузки головки своих магнитофонов – официально считалось, что те очень сильно истираются. Короче, – записи не будет! Потому до обеда – только «тракт», так называют холостой прогон программы в студии, а вечером в половине восьмого – «живой» эфир. В моём новом коллективе такие стрессы были нормой. Перевыполнение и невыполнение квартальных лимитов «загрузки видеозаписи», как и киноплёнки, даже на одну единственную секунду – каралось лишением премиальных. В условиях плановой экономики развитого социализма вся отчётность шла в Москву, в Гостелерадио. Журналистам и режиссёрам премий не выдавали, им выплачивали скромные авторские гонорары и постановочные. Премии получали инженеры, технические работники и администрация. Смухлеть и договориться было невозможно. Рисковать зарплатой никто не хотел. Видеоинженерам вообще выпадала счастливая халюва: не жалея, не щадя рабочее время и драгоценные видеоголовки, крутили на производственных магнитофонах фильмы и мультики, развлекались, посмеивались и плевать хотели на проблемы «творцов» – не они ж те правила придумали.

К десяти приглашённые мною собеседники на тракт программы не явились. Я отбарабанил в пустой студии свои монологи, мелькнули кадры киноплёнки. Прогон уложился в десять минут. А что дальше? С чем, точнее, с кем выходить в настоящий эфир? Звону, слышимость плохая, волнуясь, выясняю. Оказалось, что Валера в Благовещенск ещё накануне поехал, потому что у него в городе брат живёт, а Валентина Ивановна никуда не поехала, оттого что утром молоковоз сломался и не забрал её до райцентра, чтобы оттуда до города автобусом, а больше выехать не на чем. Пытаюсь объяснить, доказать, потребовать, чтобы всех нашли, отправили, потому что вечером эфир, несу ахинею про обком, который будет очень важную передачу смотреть. Пообещали Валентину Ивановну отправить до райцентра на машине «скорой помощи», оттуда каким-нибудь проходящим автобусом, к вечеру авось до города доберётся. А Валера, должно, загулял, дело молодое, вообще-то он ответственный, появится. Успокоили.

Время медленно тянулось и бешено несло. Не мог сидеть в студии, взад-вперёд ходил за воротами телецентра. Был конец сентября, моросил дождик, в холодных лужах мокли и раскисали несчастные жёлтые листья. За тридцать минут до эфира увидел ковыляющего к студии комсомольца. По лужам, зачерпнув воды в ботинок, бросился навстречу, обрадовался, обнял как родного. И только потом разглядел: у героя моей передачи нет лица. То есть оно имеется, но всё в синяках: чёрные круги под глазами, гематомы на лбу и щеках. «Городские в вашем Доме молодёжи навалили, – пояснил Валера, – но мы вашим тоже дали». Герой совхозный и раньше оратором не был, а сейчас губы разбиты, запеклись, еле лопочет, хотя и кичится по-деревенски, и пиджак на нём парадный – чёрный двубортный. Хороший персонаж для телевизионного дебюта! За пятнадцать минут до эфира прибежала Валентина Ивановна: растрёпанная, испуганная, дрожит. Ассистенты режиссёра наспех причесали волосы, чуть припудрили лицо героини и наглухо запудрили лицевую сторону головы герою моей программы.

Нас провели в студию. Трёхминутная готовность. Припекают и жарят фонари, спят глаза. В сумерках за громоздкими телевизионными камерами снуют силуэты телеоператоров, осветителей, ассистентов. Слышны переговоры проводной связи с режиссёрским пультом. За спиной с артиллерийским грохотом взрывается раскалённая лампа светильника. От неожиданности вздрагиваем, вжимаем головы. Как и мои герои, я сам впервые нахожусь в эфирной студии.

– Не переживайте, – говорю, – не волнуйтесь. Валентина Ивановна, не обращайтесь ни на кого внимания. А ты, Валера, что бы я ни спросил, старайся отвечать коротко, а лучше – односложно: да и нет. Понятно?

– Угу, – мычит в ответ Валера, – да и нет, угу. – Тяжёлая капля пота, слетев с напудренного подбородка, падает на лацкан его чёрного пиджака, тут же высыхает и становится большим белым пятном.

Показываю оператору пальцем на пятно, тот кивает. Надеюсь, что понял: только общий план, без крупного.

– Минутная готовность! – это голос режиссёра. – Проверяю микрофон. Посчитайте.

– Раз-два, два-раз, раз-два.

– Спасибо. Приготовились! Пять секунд, четыре, три, ни пуха...

– К чёрту!

– ...две, эфир!

Щёлкает табло «Микрофон включён!». Вспыхивает уголёк над трёхглазой турелью телекамеры. Я в эфире!

Это длилось долю секунды. Но промелькнувшие вдруг картинки я рассмотрел очень чётко. Ярко, как вспышку молнии. Увидел острый шпиль телевизионной мачты. От него во все стороны в вечернее небо, как в учебнике физики за восьмой класс, разлетались кругами магнитные волны. Это моё изображение летело в эфир. Одновременно я увидел своих зрителей. Во множестве разных квартир они сидели перед телевизорами. Все были в красных домашних тапочках. И все выжидающе смотрели на меня.

Что я, незнакомый им человек, хочу сказать? Зачем появился? И что за растерянные люди сидят со мною? На дневном тракте я изображал телевизионного публициста: с пронизательным взором говорил правильные и многозначительные слова. За долю секунды понял, что там была игра и позирование. Что сейчас на мне иная огромная ответственность. Рядом со мной испуганные люди. Я должен сделать так, чтобы они открылись и стали интересны.

– Добрый вечер, дорогие телезрители! – сказал я и улыбнулся, было очень трудно первый раз улыбнуться, после длинной фразы из четырёх слов пересохли губы и язык, но, улыбнувшись, я неожиданно успокоился, появилась уверенность и убеждённость хозяина студии. – У нас сегодня будет интересная передача, потому что я познакомлю вас с очень интересными людьми.

Представив гостей – собеседников, стал говорить об истории целинного совхоза, о некой незримой связи поколений молодёжи пятьдесят седьмого и восьмидесятого. В уже далёком целинном году Валентине Ивановне было семнадцать, а Валера только родился. Как и все девчонки-трактористки нового совхоза, наша героиня жила в степи, в полевом вагончике.

– Вы помните, Валентина Ивановна, как однажды утром вы чуть не опоздали на смену? Как и сейчас, была осень, и ваша коса примёрзла к железной спинке кровати...

Женщина не ожидала вопроса, не ведала, что от её подруги я знаю ту далёкую историю. Она заплакала, потом смутилась, потом улыбнулась мне и, уже не обращая внимания на телекамеры и жгущие софиты, начала рассказывать. Как примёрзли разметавшиеся волосы, а на работу нельзя

было опоздать. Попросила у подруги ножницы и отрезала косу, растущую с самого детства. Они в пятьдесят седьмом были ещё сами как дети. Взрослая жизнь только-только начиналась. Господи, как они верили в светлое будущее!

Откуда что взялось? Внешне был раскован, улыбался, но внутри предельно собран, вёл нить разговора, не давая собеседникам отвлечься и замкнуться. Валера тоже втянулся в беседу не столько монологами, сколько сопереживанием – оказался очень славным парнем. Мы говорили о целине, юности, мечтах, радостях, потерях, детях, тревогах и надеждах. Не забыл я и о крохотных кинорепортажах, снятых в селе. Успевал замечать, какая камера, из трёх студийных, включена, ведя диалоги, смотрел и в объективы, обращаясь к зрителям, как бы приглашая их к разговору.

Сорок пять минут эфира пролетели, и даже мало показалось отведённого времени.

– Всем спасибо! – сказал через «громкую связь» режиссёр. – Поздравляю с дебютом!

Подошёл телеоператор Володя Николаев:

– Ты где так научился камеры чувствовать? Ни разу не ошибся. И разговор интересный получился, я и сам слушал.

Где? В школе учителем работал. А там обязан был видеть и весь класс, и каждого. И удерживать внимание аудитории там же научился.

На еженедельной летучке передачу отметили как лучшую:

– Участники в студии были такие естественные. Как у себя дома. Редкий случай. Просто повезло таких людей найти.

Конечно же, повезло. И потом везло. Но не то было важно. Я интуитивно и спонтанно определил для себя три главных правила собственного поведения в кадре:

– Рассказывая о чём-либо, говори так, чтобы самому всё было любопытно, тогда и телезрители будут слушать.

– Проявляй искренний интерес к собеседнику, и он раскроется.

– Не позируй, не рисуйся, оставайся собой. Женщинам красоваться можно, мужчинам – нельзя.

Согласитесь, всё очень просто, даже как-то тривиально. При случае можете проверить на практике. У вас получится.

А потом началась работа. Командировки, сценарии, съёмки, эфиры. Ежемесячно минимум пятнадцать суток командировок, – каждый второй день в разъездах. Жизнь кочевника-бродяги: где спать лёг, там и дом. Через несколько лет в Амурской области не осталось ни одного населённого пункта, даже если считать таковым сообщество из трёх-четырёх домов, где хотя бы однажды я не отметил. Было интересно ездить и узнавать людей, в общем телевизионном потоке мои передачи выделялись.

Кроме «молодёжных» программ стал готовить и вести цикл очерков «Люди и судьбы». Года через три впервые попал на месячную учёбу в Москву. Интересны были не столько лекции, как общение с коллегами из иных углов и весёлой огромной страны (сопоставляешь себя) и встречи с известными московскими коллегами (ничего особенного).

Но «профессиональное мастерство» у нас вёл классик, один из основоположников отечественного телевидения, Сергей Муратов. Его я слушал, боясь пропустить слова и даже запятые. Перед окончанием учёбы мэтр попросил всех написать курсовые работы для последующего обсуждения и закрепления усвоенных знаний и навыков. У наших сочинений были свободные в изложении темы, лишь бы о телевидении. Я писал несколько ночей, отдал текст машинистке, получилось восемь страниц плотного текста. Изучив наши опусы, Муратов устроил корректный разбор и совместное обсуждение. По очереди обсудили всех. Кроме меня. Каждому нашлись слова поддержки и профессиональной критики. Сердце колотится и замирает в груди: неужели я чего-то не понял, не то и не теми словами написал, неужто всё напрасно? Должно быть, оттого что я не получил профессионального образования, сидящие вокруг закончили факультеты журналистики известных университетов, только я – провинциальный пединститут. Вот уже Муратов всех благодарит за старания, желает профессиональных успехов, прощается и смотрит на меня:

– Александр, оставайтесь, пожалуйста. С вами отдельный разговор.

Все слушатели, оглядываясь на меня, уходят. Муратов садится напротив, смотрит мне в глаза, снимает и вновь надевает очки:

– Я не хотел при всех. Внимательно прочитал вашу работу. Вы телевидение не понимаете, я хотел сказать, что вы его не только умом понимаете, как все здесь молодые люди, вы им живёте. Это

редкая способность, постарайтесь её в себе сохранить. Я позвонил в редакцию газеты «Советская культура», рассказал о вас. Вот телефон редактора отдела телевидения. Созвонитесь, отнесите свою рукопись. Мне пообещали опубликовать. Удачи вам.

Позвонил и отвёз. Женщины, редактора отдела, на месте не оказалось, болела. Потом перед самым отъездом из Москвы звонил ещё несколько раз. Наконец услышал усталый прокуренный голос:

– Да-да, мне о вас Серёжа Муратов рассказывал. У вас очень интересное эссе. Язык хороший. Персонажи чудесные. Но слишком много телевизионной кухни. Надо бы вам немного текст переписать. И объём сократить до одной второй газетной полосы. Ах, вы же телевизионщик, должно быть, не знаете, одна вторая полосы – это...

– Извините, я знаю, что такое одна вторая. Постараюсь переписать и принести текст. Но завтра я улетаю домой.

Обладательница усталого голоса определила жанр моего сочинения. Композиция текста эссе была довольно сложной: истории жизни героев трёх телеочерков из цикла «Люди и судьбы» переплетались с рабочими моментами съёмки, рассуждениями и переживаниями автора. Я не стал переделывать текст. Как не рассказывать о «телевизионной кухне», когда именно о ней писал? О том, как бережно снимал людей и отчего мои герои не замечали камеры, оставались «живыми», в кадре откровенничали, искренне смеялись и, не стесняясь, плакали.

Потом были ещё сотни передач, очерков, телевизионных рассказов, расследований и репортажей. Работа приносила не материальные блага, – моральные. Открывал себе и зрителям новые, ещё не освоенные телевидением темы. Реально помогал конкретным людям. Мне верили, писали письма, просили приехать. Перед телекамерой с микрофоном в руке я не боялся ни разъярённой толпы, ни бандитов, ни природных стихий, – много было катаклизмов и житейских ситуаций в стране и у меня. Жил, как рыба в аквариуме, – всегда на виду у всех.

В публичных профессиях умных людей немного. Актёрские и телевизионные сообщества – тому доказательство. Кто эти социальные группы знает близко – подтвердят. Громких слов, внешних эмоциональных эффектов – сколько угодно, а внутреннее интеллектуальное сопровождение хромает. Это не порок, а спасение. В России от ума всегда горе. Да и ни к чему несчастной стране публичные горемыки.

Наши масштабные политики, несомненно, самые публичные люди. Но сколько бы ежедневно ни мелькали на телеэкранах современные деятели, а в публичности им не обойти Михаила Горбачёва. Всё-таки телевидение тогда имело много большее воздействие на умы и чувства людей. Именно тогда произошло его пробуждение, становление и расцвет. То был и пик моей популярности. Еженедельная телепрограмма «Молодёжный четверг» начиналась в шесть вечера, заканчивалась за полночь. Содержание: перестроечные репортажи, дискуссии, интервью и музыка видеоклипов. Был автором, телевизионным ведущим и руководителем большой редакции, в подчинении полтора десятка человек. На фестивалях молодёжных программ Дальнего Востока и Сибири наш «Четверг» занимал первые места по всем номинациям. Из участника и лауреата этих фестивалей я перерос в «незаменимого» председателя жюри. Случайно слышал, как некоторые люди называли меня «легендой», а кто-то даже «эпохой телевидения». Забавно быть живой легендой и эпохой. Хотя новые поколения знают меня уже как просто бывшего телевизионного чиновника. До сих пор случается: идёшь по улице, посмотришь незнакомому человеку в глаза, и тот здоровается. Скорее, даже и не помнит: откуда знает, где видел, а на всякий случай приветствует. Улыбаюсь и киваю в ответ. Издержки прежней публичной жизни – давно ушёл с телевидения, а узнают и за спиной что-то комментируют, не спрячешься, такая судьба у человека из телевизионного аквариума.

...Очередной губернатор летом две тысячи седьмого, ещё ни разу не побывав в Благовещенске, привозил на утверждение в столицу, на моё пока не освобождённое кресло, – директора овощного рынка города Казани. Ту первую кандидатуру отчего-то не одобрили. Но мне предложили уйти «по собственному».

Залётный губернатор куролесил недолго, уехал от нас со скандалами, но то уже другая история.

Другие времена, другие люди, другое телевидение. Конфликт мечты с действительностью когда-нибудь должен был разрешиться. Время телевизионных романтиков кануло в Лету. Как это ни банально: «свободным миром» правит корыстолюбие, продажность и пошлость. И ни слова больше о телевидении! При мне ни слова.